© Юность №2, 1989
© http://imwerden.de, 2006

Николай ЯКИМЧУК

«Я РАБОТАЛ — Я ПИСАЛ СТИХИ»

Дело Иосифа Бродского

На снимке: зал суда — допрос Иосифа Бродского. (Наш автор расскажет, как он добыл этот снимок.)

Хроника событий (в обратном порядке):

1987 год — И. Бродский — нобелевский лауреат;
1972 год — И. Бродский покидает СССР;
1964 год — суд над поэтом;
1963 год — фельетон «Окололитературный трутень» в газете «Вечерний Ленинград», обличающий Бродского как тунеядца;
1961 год — Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

Мое поколение формировалось или — точнее — деформировалось, а может быть, и деформировалось в семидесятые годы. Я и мои друзья пытались пробовать себя в литературе. Надо сказать, что в поэзии у нас были хорошие учителя: Давид Самойлов, Арсений Тарковский, Борис Слуцкий, Олег Чухонцев, Юрий Левитанский, Игорь Шкляревский. Другим полюсом притяжения была самиздатовская поэзия, в которой лидировал Иосиф Бродский.

Я читал стенограмму суда над поэтом, сделанную Фридой Вигдоровой. Но все перипетии этого процесса, все узлы, обстоятельства открылись только тогда, когда я начал собирать материал для этой публикации. Судили человека 23-х лет за то, что он выбрал делом своей жизни поэзию. Печатали его скупо. А ведь на его месте мог оказаться любой талантливый или просто способный юноша, избравший трудную стезю служения музам. Не только тогда, но и теперь молодым приходится непросто. Кто возьмет на себя роль третейского судьи, выносящего приговор: поэт — не поэт, художник — не художник? Может быть, художник заглянул в будущее, не понятен современникам, не признан ими, так что же — судить его?

Владимир УФЛЯНД, поэт:

— Вспоминая время суда над Бродским, я думаю: как же это все произошло? Время то было очень неустойчивым и жестким. Периодически каких-то людей, имевших отношение к литературе, на всякий случай арестовывали. Был такой Миша Красильников, «футурист» 50-х. О нем была статья, чуть ли не в «Ленинградской правде»,— «Трое с гусиными перьями». Он и его друзья организовали футуристическую демонстрацию на филфаке Ленинградского университета. Любопытная такая была демонстрация: футуристическо-славянофильская. Они ходили в каких-то косоворотках, демонстративно хлебали тюрю и распевали стихи Каменского на народные мотивы...

А на Иосифа выбор пал, на мой взгляд, потому еще, что он был самой заметной фигурой на молодежно-литературной карте города.

Наталья ГРУДИНИНА, поэт, руководитель молодежных литературных объединений:

— Последние годы руководства Хрущева были характерны для Ленинграда одной особенностью: партийные органы считали, что надо дать бóльшую волю дружинам. Потому, что это ростки общественного самоуправления. И не только районные дружины, но и дружины всевозможных организаций, даже институтов, получили большие права, и эти права они использовали далеко не всегда так, как надо. Там были и очень молодые люди. Они иногда даже несколько театрализовывали свою деятельность, занимались слежкой за людьми, переодевались, наклеивали бороды. Что касается 12-й дружины Дзержинского района, то она вообще вела себя отвратительно. Там подвизались сомнительные люди, но они обзавелись удостоверениями: участковый уполномоченный, общественный инспектор ГАИ, общественный следователь, общественный обвинитель — и козыряли ими. Одним из таких людей был Яков Михайлович Лернер, завхоз института «Гипрошахт».

Надо сказать, что дело Бродского не первое дело Лернера. Он занимался ловлей фарцовщиков. С ним конфликтовал мой двоюродный брат, который в свое время был главой комсомольского патруля города, Олег Грудинин. Он подозревал Лернера в жульничестве. То, что тот отбирал у фарцовщиков, не всегда попадало в милицию... Лернер был очень расторопный человек и, я бы сказала, «криминальный талант». Вид имел весьма респектабельный, у него был доверительный бархатный голос, проникновенный, искренний взгляд. Комната, в которой жил Лернер, была сплошь

увешана портретами известных людей с дарственными надписями, ошеломлявшими наивного гостя. Там был даже портрет Жукова с надписью «Дорогому Яше от Жукова». И я видела киножурнал, в котором Лернер выставлялся воспитателем молодежи и читалось письмо какого-то раскаявшегося фарцовщика — спасибо, дескать, научили меня уму-разуму...

Насытившись ловлей фарцовщиков, он решил заняться молодыми поэтами, в среде которых, как он утверждал, процветали «антисоветские настроения»... Так, в Технологическом институте имени Ленсовета он высмотрел трех молодых поэтов — Бобышева, Рейна, Наймана,— которым учинил большие неприятности.

Лернер организовал общественный суд на «Электросиле» и над молодым преподавателем, ушедшим из института имени Герцена. Парень этот никакого отношения к заводу не имел. И тем не менее Лернер при поддержке Дзержинского райкома комсомола организовал общественный суд над этим преподавателем как над тунеядцем. И того приговорили к высылке из Ленинграда. Но этот преподаватель поехал в Москву, в ЦК комсомола, там весь этот суд высмеяли и сказали: поезжайте домой и устраивайтесь на работу.

После этого Лернер принялся за Бродского, который еще мало печатался. Но его знала уже и ценила Ахматова. Лернер показал секретарю Дзержинского райкома Косаревой какие-то порнографические фотографии, на которых Бродского не было, но сказал, что вот в этой компании он как раз и видел Бродского.

Лернер представлялся внештатным сотрудником «Вечернего Ленинграда» — у него действительно был там свой закуток, его держал при себе сотрудник редакции Берман, которому он поставлял материал. Но пройдет несколько лет, и выяснится, что именно в редакции Лернер назначал встречи людям, которым за хорошую сумму обещал помочь с приобретением машин и кооперативных квартир. Это выяснится на суде — уже над Лернером! — и гонитель Бродского получит срок за мошенничество.

В общем, когда нет гласности, когда нет свободы мнений, хотя бы даже и о стихах, когда все администрировано, то молодой поэт может запросто попасться на зуб вот к такому проходимцу, который хочет сделать политическую карьеру.

Кончилось же все тем, что дело о «растленном тунеядце» Бродском дошло до секретаря обкома Толстикова. Но на «Электросиле», где Лернер пытался устроить общественный суд над Бродским, на этот раз он не нашел поддержки. Тогда он обратился в Союз писателей. Пришел на заседание секретариата. А Прокофьев, который возглавлял тогда нашу Ленинградскую писательскую организацию, был уже настроен, имел команду сверху, что Бродского надо судить, что он разлагает молодежь. Прокофьев лично не знал Бродского, но был слух, что Прокофьеву подсунули какую-то эпиграмму, написанную на него Бродским (эпиграмма такая действительно была, но, как выяснилось еще до суда над Бродским, ее автором был другой — достаточно известный — поэт).

Указ против тунеядцев был знамением времени. Наше общество находилось в плену иллюзий: через двадцать лет был обещан коммунизм. Это обещание прозвучало с самой высокой трибуны. Указ, как представляется, был одним из звеньев цепочки, приближающей нас к заветной цели: используя его, хотели одним махом избавиться от разного рода спекулянтов, фарцовщиков, тунеядцев. Но в неправовом государстве власть имущие могли трактовать этот указ очень вольно. И дело Бродского — самый яркий пример тому.

Суду предшествовал фельетон в «Вечернем Ленинграде», называвшийся «Окололитературный трутень» и сочиненный тем же Лернером в соавторстве с Иониным и Медведевым (псевдоним Бермана). Тон сего пасквиля был ужасающ: «Этот пигмей, самоуверенно карабкающийся на Парнас, не так уж безобиден». Вывод авторов: «Надо перестать нянчиться с окололитературным тунеядцем. Такому, как Бродский, не место в Ленинграде».

Из неопубликованной статьи Лидии ЧУКОВСКОЙ, отправленной в «Литературную газету»:

«Когда я прочла первую статью о нем (Бродском.— Н. Я.), опубликованную в газете «Вечерний Ленинград» 29 ноября 1963 года, мне показалось, что меня каким-то чудом перенесли из 63-го обратно в 37-й. Или, скажем, в 49-й.

То же воинствующее невежество, та же безудержная ложь в этой статье, что и в тогдашних клеветнических выступлениях, та же нескрываемая ненависть к интеллигенции, то же намерение запачкать как можно больше имен и — показалось мне — даже написана она теми чернилами, о которых Герцен сто лет назад проницательно заметил: тут чернила слишком близки к крови...»

Из письма Иосифа БРОДСКОГО главному редактору «Вечернего Ленинграда» Б. Маркову:

«Уважаемый товарищ редактор,

в номере Вашей газеты за двадцать девятое ноября 1963 г. я прочел статью трех авторов — Бермана, Лернера и Ионина под названием «Окололитературный трутень». Оставляя в стороне ее литературные качества, я хочу остановиться почти на всех фактах, которые в ней изложены, комментируя их с точки зрения действительности, которую можно удостоверить чисто документальным путем. Письмо мое, таким образом, будет короче статьи, но прочтя его, Вы убедитесь, что статья могла быть много короче письма...

...Говорится об ущербности его (Бродского) мировоззрения, о его невежестве, бескультурье и проч. В частности: «Да и какие могут быть знания у недоучки, у человека, не окончившего даже среднюю школу».

Я получил среднее образование в школе рабочей молодежи и с пятнадцати лет пошел работать на завод. Я имею соответствующий документ — который готов предъявить в любую минуту. К тому же в Ленинграде есть достаточно возможностей каждому пополнить свои знания, посещая лектории, университеты культуры и занимаясь самообразованием.

...Далее идут подряд три цитаты: «От простудного продувания...», «Накормите голодное ухо...», «Я шел по переулку». Две из этих цитат не принадлежат мне. Третья, действительно, взята из моих стихов, но она настолько искажена авторами статьи, и думаю, искажена сознательно, что я не могу признать ее своей. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, скажу, что из всех стихотворных строк, приписанных мне авторами статьи, мне принадлежит только вышеупомянутая и еще исковерканная до неузнаваемости строка «Люблю я родину чужую». Строчка эта взята из финала лирического стихотворения «Москва белокаменная», имеющего вполне реального русского адресата. Однако авторы позволяют делать вывод, что он и в самом деле не любит своей отчизны и даже «вынашивал план измены Родины...». Прочих строк, цитируемых в статье, я не писал. Соответственно и обвинений, построенных на этих цитатах, не могу принять на свой счет...

...За пять дней до появления статьи я был вызван по телефону Я. М. Лернером в помещение 12-й народной дружины, где состоялся пятнадцатиминутный разговор, целью которого было, как мне казалось, установить: работаю я или нет? К концу разговора Лернер сказал: «Только вы потом не говорите, что с вами не вели воспитательной работы...»

...Мне двадцать три года. В паспорте сказано, что я родился 24 мая 1940 года... Я работаю с пятнадцати лет. Я имею профессии фрезеровщика, техника-геофизика, кочегара. Я работал в геологических партиях в Якутии, на Беломорском побережье, на Тянь-Шане, в Казахстане. Иногда из-за тяжелого недуга я временно не работал, но, как только восстанавливалось здоровье, принимался за работу вновь. Все это зафиксировано в моей трудовой книжке. Одновременно я занимался литературой. Осенью прошлого года я уволился с последнего места работы и стал заниматься литературным трудом. Я заключил с различными редакциями и издательствами долгосрочные договоры, которые должны были вполне обеспечить мое существование.

Кроме неточностей, переросших в статье в заведомую ложь, авторы не остановились и перед иными методами. Один из них (Лернер) поехал в Москву и оклеветал меня перед директором Гослитиздата, имеющего со мной длительный договор, с которым я, не подозревая ничего дурного, ознакомил Лернера при нашей беседе. Однако Лернер потребовал расторжения этого договора.

Таким образом авторы статьи действительно постарались оставить меня без работы, лишить заработка, чтоб затем на страницах газеты громить уже плоды собственной деятельности.

Товарищ редактор, я всегда уважал и уважаю газету. Я родился и вырос в семье журналистов, я знаю, что все материалы, публикуемые в газете, всегда тщательно проверяются, что старые события никогда не подаются как

последние новости. Я знаю, что язык газеты — это **правда**, и я знаю, наконец, что Вы непримиримы к ошибкам и неточностям, появляющимся в газете.

Возможно, Вы будете последовательны и на сей раз».

Мне удалось встретиться с одним из авторов фельетона «Окололитературный трутень». Я не раз звонил ему, и, наконец, попросив меня не называть его фамилию, он назначил встречу в редакции «Вечернего Ленинграда». Раньше было такое время, такая ситуация, говорил мой собеседник — пожилой уже человек,— теперь другая ситуация. Теперь он понимает, что появление фельетона было ошибкой. И не только его, но и редакции. Он выполнял всего лишь задание, которое было спущено сверху. Тогда он не мог отказаться, тогда было ВРЕМЯ ТАКОЕ. Сейчас время ДРУГОЕ, сегодня он этот фельетон не стал бы печатать, ставить свою подпись. Перемены, происходящие в стране, приветствует, но многое ему трудно принять. Стихи Бродского прочитал недавно. Они ему не очень близки. Слишком много философии, нет прозрачности, они трудны для восприятия. Но это его личное мнение. Ему более по душе другая поэзия. Северянин, например. А в прозе его привлекают яркие произведения тридцатых годов, полные оптимизма. То же и в музыке — прекрасны мелодии Дунаевского. Нельзя чернить те годы. Все разом, чохом. Репрессии? Были. Но мы их почти не замечали. Вот говорят: по ночам не спали, прислушивались к шагам на лестнице. А он это не помнит. Забирали, конечно. Забирали. Примерно так — один к десяти. На миллионы посчитать? Конечно, много получится...

Но сейчас чернят многое незаслуженно. А тон этих обличений каков! Тон статьи «Окололитературный трутень»? Хм-м... Проверяли ли мы факты, изложенные в статье? Да, проверяли. Нет, он не слышал о том, что некоторые стихи, приписываемые в этом фельетоне Бродскому, на самом деле ему не принадлежат. И о письме, которое написал в ответ на фельетон Бродский, тоже не слышал. Оно до него не дошло. Кстати, после того фельетона «Вечерка» напечатала отклики читателей. И должен вам заметить — не все чернили и поносили Бродского: было и одно письмо в его защиту. И мы его напечатали!

О том, что Лернер ездил с фельетоном к Косолапову в Гослит и там расторгли договоры с Бродским, не слышал... Но слышал, конечно, знает, что уже после суда над Бродским Лернер был осужден за мошенничество. Кто мог подумать, что такой человек, которому верили и большие, знаете, люди, окажется заурядным мошенником...

Да, признаю, напечатание фельетона было ошибкой, но раскаяния, угрызений совести нет. ТОГДА Я ТАК СЧИТАЛ. Теперь считаю по-другому. Что ж мне теперь — выходить на площадь, каяться, голову пеплом посыпать?

Наталья ГРУДИНИНА:

— А знаете, как я занялась делом Бродского? Я ведь не знала до фельетона ни его стихов, ни переводов. Но в фельетоне была помянута и моя бывшая ученица из Дворца пионеров, и ко мне приехала в слезах ее мать и сказала, что теперь ее Марианну из-за этого прорабатывают в университете.

Я обозлилась и позвонила в «Вечерний Ленинград». Один из авторов статьи — Берман, штатный сотрудник редакции, что-то пробурчал в ответ. А на следующий день меня вызвал Прокофьев и стал кричать: мол, как я смею делать замечания газете горкома партии. Я ответила, что говорю то, что думаю. После чего меня вызвали на секретариат...

Прокофьев был неплохим руководителем, но в последние годы был зачастую нетерпим ко многим молодым. Он напрочь не признавал Евтушенко, например, Вознесенского... Прокофьев был поэтом абсолютно другого направления и не завидовал, а просто не принимал их систему стихосложения. Помню, после обсуждения у нас в Союзе поэзии Евтушенко тот, прижавшись лбом к холодной колонне, стоял и плакал. Я подошла к нему: «Женя, что с тобой?» А он ответил: «Пусть кто угодно кроет меня, но почему Прокофьев? Ведь он же талантливый поэт». Да и Бродский на одной из публичных лекций в США дал достаточно высокую оценку поэзии Прокофьева...

И вот когда мы с Прокофьевым уже окончательно разругались по поводу этой статьи в «Вечерке», мне стали звонить. Позвонила Наташа Долинина, позвонил Эткинд, кто-то еще. В общем, звонило достаточно много людей: «Что ты там одна воюешь? Давай объединяться». И Наташа Долинина принесла мне переводы Галчинского, сделанные Бродским. Я разинула рот, потому что это было сделано на уровне лучших переводов Лозинского, Чуковского. Я поняла, что если человек может вот так делать переводы такого поэта, как Галчинский, то, значит, и сам он поэт настоящий. И я решила выступить на суде. Тунеядцев в ту пору судили обычно судом общественным, но, когда Лернер не смог организовать такой суд, было дано указание — кем? — передать дело в народный суд.

Зоя ТОПОРОВА, адвокат:

— В один из дней 1964 года мне позвонил адвокат Киселев, ныне умерший, и сказал: «Зоя Николаевна, надо защищать поэта. Поэта, которого будут судить за тунеядство. Фамилия его Бродский». Как только он назвал фамилию, я сразу вспомнила фельетон в «Вечернем Ленинграде», который поразил меня своей озлобленностью и агрессивностью, хотя стихов Бродского я не знала и масштаба его, как поэта, конечно, не представляла. Меня поразило вот что: поэта судят за тунеядство!

Дело это должно было буквально через день рассматриваться в народном суде Дзержинского района. Когда я пришла накануне слушания дела в канцелярию суда, чтобы ознакомиться с ним и узнать, каким образом я смогу встретиться с Бродским, то судья Савельева дела мне не дала, сказав, что завтра все сведется к тому, что Бродский будет отправлен на судебно-медицинскую экспертизу, а сейчас он в отделении милиции, и завтра я его увижу.

На следующий день у здания суда толпилось много молодежи. Все были взволнованы. Постепенно эта молодежь заполнила зал заседаний. Вышедшая Савельева удивилась: «Я не понимаю, что за шум, почему столько людей?» И в этот момент появился Бродский в сопровождении милиционера. Я увидела невысокого рыжеватого юношу с приятным лицом...

Из стенограммы Фриды ВИГДОРОВОЙ (заседание народного суда Дзержинского района г. Ленинграда 18 февраля 1964 года):

«СУДЬЯ. Чем вы занимаетесь?

БРОДСКИЙ. Пишу стихи. Перевожу. Я полагаю...

СУДЬЯ. Никаких «я полагаю». Стойте как следует! Не прислоняйтесь к стене! Смотрите на суд! Отвечайте суду как следует! *(Мне.)* Сейчас же прекратите записывать! А то выведу из зала! *(Бродскому.)* У вас есть постоянная работа?

БРОДСКИЙ. Я думал, что это постоянная работа.

СУДЬЯ. Отвечайте точно!

БРОДСКИЙ. Я писал стихи. Я думал, что они будут напечатаны. Я полагаю...

СУДЬЯ. Нас не интересует «я полагаю». Отвечайте: почему вы не работали?

БРОДСКИЙ. Я работал — я писал стихи.

СУДЬЯ. Нас это не интересует. Нас интересует, с каким учреждением вы были связаны.

БРОДСКИЙ. У меня были договоры с издательством.

СУДЬЯ. Так и отвечайте. У вас договоров достаточно, чтобы прокормиться? Перечислите: какие, от какого числа, на какую сумму?

БРОДСКИЙ. Точно не помню. Все договоры у моего адвоката.

СУДЬЯ. Я спрашиваю вас.

БРОДСКИЙ. В Москве вышли две книги с моими переводами... *(Перечисляет.)*

СУДЬЯ. Ваш трудовой стаж?

БРОДСКИЙ. Примерно...

СУДЬЯ. Нас не интересует «примерно»!

БРОДСКИЙ. Пять лет.

СУДЬЯ. Где вы работали?

БРОДСКИЙ. На заводе. В геологических партиях...

СУДЬЯ. Сколько вы работали на заводе?

БРОДСКИЙ. Год.

СУДЬЯ. Кем?

БРОДСКИЙ. Фрезеровщиком.

СУДЬЯ. А вообще какая ваша специальность?

БРОДСКИЙ. Поэт. Поэт-переводчик.

СУДЬЯ. А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

БРОДСКИЙ. Никто. *(Без вызова.)* А кто причислил меня к роду человеческому?

СУДЬЯ. А вы учились этому?

БРОДСКИЙ. Чему?

СУДЬЯ. Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

БРОДСКИЙ. Я не думал... я не думал, что это дается образованием.

СУДЬЯ. А чем же?

БРОДСКИЙ. Я думаю, это *(растерянно)*... от бога...

ЗАЩИТНИК. Прошу суд приобщить к делу характеристику бюро секции переводчиков... Список опубликованных стихотворений... Копии договоров... Телеграмму: «Просим ускорить подписание договора...» *(Перечисляет.)* И я прошу направить гражданина Бродского на медицинское освидетельствование для заключения о состоянии здоровья и о том, препятствовало ли оно регулярной работе. Кроме того, прошу немедленно освободить гражданина Бродского из-под стражи. Считаю, что он не совершил никаких преступлений и что его содержание под стражей незаконно. Он имеет постоянное место жительства и в любое время может явиться по вызову суда.

Суд удаляется на совещание. А потом возвращается, и судья зачитывает постановление: «Направить на судебно-психиатрическую экспертизу, перед которой поставить вопрос, страдает ли Бродский каким-нибудь психическим заболеванием и препятствует ли это заболевание направлению Бродского в отдаленные местности для принудительного труда. Вернуть материал в милицию для дополнительной проверки его заработка. Учитывая, что из истории болезни видно, что Бродский уклонялся от госпитализации, предложить отделению милиции № 18 доставить его для прохождения судебно-психиатрической экспертизы».

СУДЬЯ. Есть у вас вопросы?

БРОДСКИЙ. У меня просьба — дать мне в камеру бумагу и перо.

СУДЬЯ. Это вы просите у начальника милиции.

БРОДСКИЙ. Я просил, он отказал. Я прошу бумагу и перо.

СУДЬЯ *(смягчаясь)*. Хорошо, я передам.

БРОДСКИЙ. Спасибо.

Когда мы вышли из зала суда, то в коридорах и на лестницах увидели огромное количество людей, особенно молодежи.

СУДЬЯ. Сколько народу! Я не думала, что соберется столько народу!

ИЗ ТОЛПЫ. Не каждый день судят поэта!

СУДЬЯ. А нам все равно — поэт или не поэт!»

Зоя ТОПОРОВА:

— Я обратилась к судье с просьбой о встрече с подсудимым. Мне в этом было отказано. И Иосифа тут же увели. Ко мне подошли его родители. В тот же день я получила разрешение ознакомиться с делом, которое начиналось с фельетона в «Вечерке». Примечательна была характеристика жэка: «И. А. Бродский нигде не работает, не учится. Сообщаем также (со слов жильцов), что он периодически исчезает из дома на 2—3 недели».

Через 8 или 10 дней меня оповестили, что дело слушается в помещении клуба строителей на Фонтанке, 22. Я приехала заранее и получила возможность встретиться с Бродским. Он мне сказал, что не признает себя виновным, а занимался он тем, чем ему надлежит заниматься,— поэзией.

Надо сказать, что еще до слушания дела в нем стали принимать участие многие видные писатели. Одним из первых ко мне пришло письмо от К. И. Чуковского и С. Я. Маршака, в котором они блестяще характеризовали Бродского как переводчика. Были и звонки по телефону. Вот тогда я и составила представление о масштабе его дарования. Очень горячее участие в судьбе поэта принимали писательницы Фрида Вигдорова и Наталья Грудинина.

В день повторного слушания дела, когда я подошла к клубу, я была еще более удивлена, чем в первый раз. Около входа роится народ, тут же милиция. Аудитория вся разбивалась на два лагеря: с одной стороны, дружинники и, кажется, сезонные рабочие, привезенные на суд, крайне агрессивно настроенные, а с другой — молодые поэты, люди искусства, интеллигенция. Еще до процесса мне сообщили, что несколько писателей хотят быть свидетелями по этому делу. Я подала заявление, и они были вызваны в качестве свидетелей.

Иосифа привели милиционеры. Был он очень спокоен. Держался хорошо, с большим достоинством, не чувствовалось, что подавлен. Зал к этому времени был полон. В первых рядах сидели дружинники, записывающие все на магнитофон. И тут же находилась Фрида Вигдорова, которая стенографировала ход процесса. Это та стенограмма, которая сохранилась до настоящего времени. Она абсолютно подлинная. Я свидетельствую как участник.

Из стенограммы Фриды ВИГДОРОВОЙ (судебное заседание 13 марта 1964 года):

«Заключение экспертизы гласит: в наличии психопатические черты характера, но трудоспособен. Поэтому могут быть применены меры административного порядка.

Идущих на суд встречает объявление: СУД НАД ТУНЕЯДЦЕМ БРОДСКИМ. Большой зал клуба строителей полон народа.

— Встать! Суд идет!

Судья Савельева спрашивает у Бродского, какие у него есть ходатайства к суду. Выясняется, что ни перед первым судом, ни сейчас он не был ознакомлен с делом. Судья объявляет перерыв. Бродского уводят для того, чтобы он смог ознакомиться с делом. Через некоторое время его приводят, и он говорит, что стихи на страницах 141, 143, 155, 200, 234 (перечисляет) ему не принадлежат. Кроме того, просит не приобщать к делу дневник, который он вел в 1956 году, то есть тогда, когда ему было 16 лет. Защитница присоединяется к этой просьбе.

СУДЬЯ. В части так называемых его стихов учтем, а в части его личной тетради — изымать ее нет надобности. Гражданин Бродский, с 1956 года вы переменили 13 мест работы. Вы работали на заводе год, а потом полгода не работали. Летом были в геологической партии, а потом 4 месяца не работали... *(Перечисляет места работы и следовавшие затем перерывы.)* Объясните суду, почему вы в перерывах не работали и вели паразитический образ жизни?

БРОДСКИЙ. Я в перерывах работал. Я занимался тем, чем занимаюсь и сейчас: я писал стихи.

СУДЬЯ. Значит, вы писали свои так называемые стихи? А что полезного в том, что вы часто меняли место работы?

БРОДСКИЙ. Я начал работать в 15 лет. Мне все было интересно. Я менял работу потому, что хотел как можно больше знать о жизни и людях.

СУДЬЯ. А что вы сделали полезного для Родины?

БРОДСКИЙ. Я писал стихи — это моя работа. Я убежден... я верю, что то, что я написал, сослужит людям службу, и не только сейчас, но и будущим поколениям.

ГОЛОС ИЗ ПУБЛИКИ. Подумаешь! Воображает!

ДРУГОЙ ГОЛОС. Он поэт. Он должен так думать.

СУДЬЯ. Значит, вы думаете, что ваши так называемые стихи приносят людям пользу?

БРОДСКИЙ. А почему вы говорите про стихи «так называемые»?

СУДЬЯ. Мы называем ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет.

СОРОКИН *(общественный обвинитель)*. Вы говорите про будущие поколения. Вы что, считаете, что вас сейчас не понимают?

БРОДСКИЙ. Я этого не сказал. Просто мои стихи еще не опубликованы, и люди их еще не знают.

СОРОКИН. Вы считаете, что если бы их знали, то признали бы?

БРОДСКИЙ. Да.

СОРОКИН. Вы говорите, что у вас сильно развита любознательность. Почему же вы не захотели служить в Советской Армии?

БРОДСКИЙ. Я не буду отвечать на такие вопросы.

СУДЬЯ. Отвечайте!

БРОДСКИЙ. Я был освобожден от военной службы. Не «не захотел», а был освобожден. Это разные вещи. Меня освобождали дважды. В первый раз потому, что болел отец, во второй раз из-за моей болезни.

СОРОКИН. Можно ли жить на те суммы, что вы зарабатываете?

БРОДСКИЙ. Можно. Находясь в тюрьме, я каждый раз расписывался в том, что на меня израсходовано в день 40 копеек. А я зарабатывал больше, чем по 40 копеек в день.

СОРОКИН. Но надо же обуваться, одеваться.

БРОДСКИЙ. У меня один костюм — старый, но уж какой есть. И другого мне не надо.

АДВОКАТ. Оценивали ли ваши стихи специалисты?

БРОДСКИЙ. Да. Чуковский и Маршак очень хорошо говорили о моих переводах. Лучше, чем я заслуживаю.

АДВОКАТ. Была ли у вас связь с секцией переводов Союза писателей?

БРОДСКИЙ. Да. Я выступал в альманахе, который назы-

вастся «Впервые на русском языке», и читал переводы с польского.

СУДЬЯ *(защитнице)*. Вы должны спрашивать его о полезной работе, а вы спрашиваете о выступлениях.

АДВОКАТ. Его переводы и есть его полезная работа.

СУДЬЯ. Лучше, Бродский, объясните суду, почему вы в перерывах между работами не трудились.

БРОДСКИЙ. Я работал. Я писал стихи.

СУДЬЯ. Но это не мешало вам трудиться.

БРОДСКИЙ. Я трудился. Я писал стихи.

СУДЬЯ. Но ведь есть люди, которые работают на заводе и пишут стихи. Что вам мешало так поступать?

БРОДСКИЙ. Но ведь люди не похожи друг на друга. Даже цвстом волос, выражением лица...

СУДЬЯ. Это не ваше открытие. Это всем известно. А лучше объясните, как расценить ваше участие в нашем великом поступательном движении к коммунизму?

БРОДСКИЙ. Строительство коммунизма — это не только стоянис у станка и пахота земли. Это и интеллигентный труд, который...

СУДЬЯ. Оставьте высокие фразы! Лучше ответьте, как вы думаете строить свою трудовую деятельность на будущее.

БРОДСКИЙ. Я хотел писать стихи и переводить. Но если это противоречит каким-то общепринятым нормам, я поступлю на постоянную работу и все равно буду писать стихи.

СОРОКИН. Как вы могли самостоятельно, не используя чужой труд, сделать перевод с сербского?

БРОДСКИЙ. Вы задаете вопрос невежественно. Договор иногда предполагает подстрочник. Я знаю польский, сербский знаю меньше, но это родственные языки, и с помощью подстрочника я смог сделать свой перевод».

Стенограмма, которую самоотверженно вела на суде Фрида Вигдорова (она делала это открыто, на глазах у судьи, и та нервничала, требовала, чтобы она прекратила записывать — «Я не знаю, что вы там записываете»,— а кто-то из зала крикнул даже, что записи надо отнять), стала бесценным свидетельством этой постыдной судебной инсценировки. И недаром те, кто читал и распространял стенограмму Вигдоровой, подвергались в те годы преследованиям. Приведу лишь одну историю.

Галина ГЛУШАНОК, филолог:

— Сразу должна сказать: я не была знакома с Иосифом Александровичем Бродским и даже никогда его не видела. Я — другое, младшее поколение. В 1964 году я училась в 9-м классе. На моем столе лежали томики Пушкина, только что воплотившаяся в книгу Цветаева и машинопись стихов Бродского: «Пилигримы», «Стансы»...

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать...

Эти строки для меня сейчас не столько ранний Бродский, сколько моя юность. Я училась в вечерней школе, а днем работала лаборанткой в школе Дома офицеров (в этом здании проходило «ленинградское дело», а дом Мурузи, где жил Бродский, был тут же, рядом, но все это я узнала позже). Вскоре мне стало известно, что поэт, чьи стихи мы переписывали, обвинен в тунеядстве и выслан из города. По городу ходила стенограмма этого нелепого процесса в записи Фриды Вигдоровой. Стенограмма ошеломила настолько, что, придя на работу, я прочитала ее всем сидящим в комнате и тут же перепечатала.

Вечером того же дня мне позвонила одна из сотрудниц. Она предупредила — на меня донесли, я буду вызвана. И первый раз в жизни я испытала чувство не просто страха, а особого страха, мне до тех пор незнакомого. (Сколько раз потом этот страх повторится! В 1974 году вызывали друзей, слушавших у меня песни Галича. В 1984 году мне был предъявлен криминальный список книг: Оруэлл, Солженицын, Набоков, Надежда Мандельштам, стихи Бродского. «В 37-м году мы бы ее давно расстреляли,— сказали в КГБ обо мне моей подруге,— а сейчас с ней еще возимся...»

Вызванная на следующий день в кабинет директора школы, я должна была в присутствии нескольких незнакомых лиц дать объяснение по поводу своего «антисоветского поступка» — кто дал мне стенограмму, кому (перепечатав на служебной машинке!) эти экземпляры раздала — имена, фамилии, адреса... В тот же день я была уволена «по собственному желанию». На следующий день в школу была вызвана моя мать. Видимо, учитывая мой незрелый возраст, со мной обошлись довольно «гуманно». Шли 60-е годы. Впоследствии все было уже не так мягко...

Прошло двадцать лет. Стихи Бродского прорывались к нам: «Письма римскому другу», «Часть речи». Как-то вечером ко мне пришел американский студент и — с порога — стал читать Баратынского, Вяземского, Блока. У меня сидели гости. Все онемели. Удивительно было слышать знакомые строки, читавшиеся с легким иностранным акцентом. У гостя было почему-то русское имя — Андрей. И оказалось, что он занимается у Иосифа Бродского в семинаре русской поэзии двадцатого века. Андрей рассказал, как на какой-то литературоведческой конференции Бродский делал доклад о пушкинском «Вновь я посетил...». Начал читать эти пушкинские строки по-русски и не смог — дрогнул голос, сжалось сердце, прошедшее через два инфаркта...

Я вспомнила о том, что 19 октября 1836 года Пушкин не смог дочитать свои стихи к двадцатипятилетию основания лицея — стихи о своем поколении и о своем веке...

В каком же одичании еще пребывало наше общество в начале шестидесятых годов, сколь робкой была хрущевская оттепель, если не в какой-нибудь Тмутаракани, а в моем городе — в Ленинграде! — был затеян процесс, на котором свидетели защиты тщетно доказывали, что нельзя топтать художника, который не стремится к обогащению, а занят лишь самовыражением. После того, как профессор института имени Герцена, литературовед и переводчик Владимир Адмони сказал, что указ, по которому привлечен к ответственности Бродский, направлен против тех, кто мало работает, а не против тех, кто мало зарабатывает, заседатель Тяглый задал ему «коварный» вопрос: где и на каких иностранных языках Бродский читал свои переводы? Профессор не смог сдержать улыбки: заседатель, как выяснилось, не понимал, что Бродский переводит с иностранных языков на русский... Но многоопытная судья поспешила «поставить на место» свидетеля. Цитирую стенограмму — полюбуйтесь, как это было сделано:

«СУДЬЯ. Если вас спрашивает простой человек, вы должны ему объяснить, а не улыбаться.

АДМОНИ. Я и объясняю, что переводит он с польского и сербского на русский.

СУДЬЯ. Говорите суду, а не публике.

АДМОНИ. Прошу простить меня. Это профессиональная привычка — говорить, обращаясь к аудитории».

И другой известный литературовед и переводчик, также преподававший в институте имени Герцена, Ефим Эткинд, говорил на суде, что при высочайшей стихотворной технике Бродского тому ничто не мешало бы халтурить и зарабатывать много денег, если бы он был менее требователен к себе. А Наталья Грудинина предложила — к неудовольствию судьи — такую формулировку: «Разница между тунеядцем и молодым поэтом в том, что тунеядец не работает и ест, а молодой поэт работает, но не всегда ест». Тут вновь отличился уже упомянутый заседатель:

ТЯГЛЫЙ. Вы сами когда-нибудь лично видели, как он трудится над стихами, или он пользовался чужим трудом?

ГРУДИНИНА. Я не видела, как Бродский сидит и пишет. Но я не видела и как Шолохов сидит за письменным столом и пишет. Однако это не значит, что...

СУДЬЯ. Неудобно сравнивать Бродского и Шолохова...»

В тот день — в зале судебного заседания(?!) — были впервые сопряжены эти два имени, которые соседствуют ныне в списке нобелевских лауреатов. Провйденье Натальи Грудининой?

Телеграмма Дмитрия ШОСТАКОВИЧА, посланная в адрес суда, но не оглашенная на процессе:

«Я очень прошу суд при разборе дела поэта Бродского учесть следующее обстоятельство: Бродский обладает огромным талантом. Творческой судьбой Бродского, его воспитанием обязан заняться Союз (писателей.— Н. Я.). Думается, что суд должен вынести именно такое решение».

Каждый из свидетелей обвинения начинал с того, что с Бродским он незнаком, впервые увидел его здесь, в зале суда, но тем не менее...

Я разыскал одного из этих свидетелей — бывшего заместителя директора Эрмитажа по хозяйственной части Ф. О. Логунова, ныне пенсионера. Он не одобряет тот суд,

на котором — и он несколько раз это подчеркивал — он ничего плохого о Бродском не говорил (стенограмма свидетельствует, что Логунов действительно не очень клеймил Бродского, настойчиво советовал ему брать пример с Олега Шестинского — и в учебе, и в труде). Как на суде оказался? Вызвали в Дзержинский райком партии, сказали, что Бродский одно время работал в хозчасти Эрмитажа, и он не смог отказаться... Я рад написать, Федор Осипович, что вы стыдитесь сегодня своего малодушия.

А члена Союза писателей Воеводина, который называл Бродского автором «полупохабных эпиграмм» (я поминал уже, что без всяких на то оснований Бродскому приписывалась хлесткая эпиграмма на Прокофьева) и который самозванно выступал на суде от имени комиссии по работе с молодыми авторами, уже нет в живых. Но сразу после суда он проговорился Грудининой, что получил указание Прокофьева выступить от имени комиссии. «Мне сказали, и я сделал,— говорил он.— Я — солдат».

Тем же манером, надо думать, были подобраны и остальные свидетели обвинения. Трубоукладчик Денисов говорил от имени рабочих, что никто не знает поэта Бродского — прочитав «Вечерний Ленинград», он ходил по библиотекам, но книг Бродского не нашел... Начальник Дома обороны Смирнов клеймил Бродского за то, что он не накапливает материальные ценности, и выражал опасение, что нам долго еще не построить коммунизм, если все граждане последуют примеру Бродского — не захотят «накапливать»... Настаивал, чтобы подсудимый изменил «многие свои мысли». Бродский спросил этого свидетеля, что дает ему право так говорить о нем.

«СМИРНОВ. Я познакомился с вашим личным дневником.

БРОДСКИЙ. На каком основании?

СУДЬЯ. Я снимаю этот вопрос».

Другой свидетель, пенсионер Николаев, утверждал, что его сын, начитавшись Бродского, тоже не хочет работать, что стихи Бродского «позорные и антисоветские». Но судья не дала развенчать и этого свидетеля:

«БРОДСКИЙ (Николаеву). Назовите мои антисоветские стихи. Скажите хоть строчку из них.

СУДЬЯ. Цитировать не позволю».

Ужасными, развращающими молодежь называла стихи Бродского и Ромашова преподавательница марксизма-ленинизма в училище имени Мухиной. Столь «ужасными», что, отвечая на вопрос адвоката, она воскликнула: «Не считаю возможным их повторить!»

Этот фарс завершился тем, что общественный обвинитель Сорокин, не стесняясь в выражениях (его первая фраза: «Бродского защищают прощелыги, тунеядцы, мокрицы и жучки!», потребовал выселить поэта из города-героя. Это было предрешено, и суд лишь для проформы выслушал речь адвоката...

Игорь ИНОВ, поэт, переводчик:

— Не помню всех, кто, тревожась и негодуя, расположился тогда вместе со мной на откидных сиденьях в зале суда на Фонтанке, там, где некогда помещалось сыскное ведомство российского предберия Бенкендорфа (сомнительная преемственность — нет чтобы устроить в этих желтых строениях, к примеру, музей декабризма!), но там были и покойная ныне Н. Долинина, и Е. Эткинд, впоследствии «разоблаченный» хранитель рукописей А. Солженицына, знаток европейских литератур, блестящий стилист и оратор, переводчик, волею «застойных» обстоятельств ставший профессором Сорбонны *...

Перед нами разыгрывался трагический фарс из числа тех, финал которых нетрудно угадать в самом начале. Тягостное, унизительное сознание этой предрешенности, зряшности каких бы то ни было разумных доводов, беспомощности как самого обвиняемого, так и тех, кто был убежден в несостоятельности предъявленного ему обвинения, усугубляло мою взбудораженность, мое глухое возмущение тенденциозной напраслиной, возводимой на того, кто, как и я, как десятки других молодых тогда писателей, живописцев, музыкантов, барахтался в тине всевозможных запретов и регламентаций, в том числе эстетических...

* Четвертого ноября 1988 года секретариат Ленинградского отделения СП РСФСР по предложению Глеба Горышина отменил свое былое — несостоятельное — постановление об исключении Ефима Эткинда из Союза писателей и счел нужным принести извинения Эткинду.

Зоя ТОПОРОВА:

— Бродский замечательно сказал свое последнее слово. Там было: «Я не только не тунеядец, а поэт, который прославит свою Родину». В этот момент судья, заседатели, все почти — загоготали. Надо сказать, что весь процесс шел бурно. С одной стороны — реплики этих молодчиков, которых привели в суд (кстати, они гоготали и шумели в самых неподходящих местах, например, когда Бродский сказал, что переводит по подстрочнику — это почему-то вызвало необыкновенное оживление среди них), а также были выкрики и сочувствующих, причем нескольких из них вывели из зала. В частности, вывели из зала тетку Бродского, актрису. Нескольких человек увезли на «черном вороне».

Но Бродский держался очень хорошо. Он ни разу не вышел из себя, с большим достоинством говорил о том, что он поэт.

Был уже, наверное, поздний вечер, когда был вынесен этот страшный приговор — пять лет ссылки. Часть зала аплодировала, другие громко возмущались. Тут же началась потасовка, а дальнейшее помню смутно, поскольку была подавлена случившимся. Но все же я подошла к Бродскому и сказала: «Иосиф Александрович, этот приговор в силе не останется, он будет отменен» (мне впоследствии ставили это в вину, я имела неприятности). Он мне ответил: «Я тоже на это надеюсь». Я сказала: «Мы все сделаем, будем писать, и приговор таким не останется, будьте уверены». И его увели. Вот так завершилось это позорное судилище.

И начались хлопоты. С Александром Ивановичем Бродским, отцом Иосифа (он был фотокорреспондентом, его уже нет в живых), мы обратились к председателю городского суда. Но тот сказал Александру Ивановичу: «Поезжайте в Москву, может быть, там вы добьетесь справедливости». То есть даже председатель был связан по рукам и ногам, видимо, настолько жесткой была установка обкома. Даже он ничего не мог поделать.

Из письма Корнея ЧУКОВСКОГО Генеральному прокурору СССР:

«Дело, глубоко встревожившее интеллигенцию нашу, надеюсь, будет решено справедливо. Я, как человек, общавшийся с Западом, не могу не скорбеть о том, какой огромный ущерб в глазах наших зарубежных друзей нанесло «дело Бродского» престижу советского правосудия».

Из письма Е. ЭТКИНДА — А. ПРОКОФЬЕВУ:

«На другой день после суда, 14 марта, в газете «Вечерний Ленинград» было сказано, что я — в числе других товарищей — «с пеной у рта» защищал тунеядца, а в «Смене» от 15 марта было написано, что я, как и другие свидетели, пытался «всячески обелить Бродского, представить его как невинно страдающего непризнанного гения». После этих строк в «Смене» следует фраза: «На какие только измышления не пускались они!» Заявляю со всей категоричностью, что эта характеристика моего выступления ложна. Я не пускался ни на какие измышления — если бы это было так, меня следовало бы призвать к уголовной ответственности по статье 181 У. К. за дачу ложных показаний суду... Считаю, что заметки «Вечернего Ленинграда» и в особенности «Смены» содержат тенденциозную характеристику моих показаний и дезинформируют общественное мнение...»

Наталья ГРУДИНИНА:

— В адрес писателей, свидетелей защиты, суд вынес частное определение. Публично оно не оглашалось. Это было сделано за нашей спиной. На секретариате Прокофьев зачитал явные фальшивки — наши показания на суде, кем-то основательно передернутые,— и нам вынесли выговоры, а меня освободили от руководства молодыми на заводе «Светлана», в клубе «Дерзание» во Дворце пионеров.

Но Ахматова в это время написала письмо в ЦК партии, а Гранин, как председатель комиссии по работе с молодыми, направил письмо Генеральному прокурору СССР, в котором сообщил, что никакого отношения к осуждающим оценкам личности и творчества Бродского комиссия не имеет.

Фрида Вигдорова разослала свою стенограмму в редакции всех литературных журналов, но опубликовать ее никому в ту пору не удалось. Или, скажем так, никто не решился на это.

Прокофьев как-то приехал к Расулу Гамзатову, где застал и Твардовского, и стал жаловаться, что из-за такого «тунеядца» у него неприятности, писатели настроены против него (демарш по делу Бродского предпринял даже Жан Поль

Сартр). Твардовский ему ответил: «Ты предал цех поэтов». Это со слов Якова Козловского.

Бродский уже год находился в ссылке, а Генеральный прокурор, затребовав дело, продолжал держать его у себя. Тут я поехала в Москву и зашла к Николаю Грибачеву, который посоветовал мне обратиться с письмом к заведующему отделом административных органов ЦК партии Миронову. Я взбеленилась. Говорю, что в городской прокуратуре Ленинграда слышала о том, что Миронов сказал: мол, мало дали, пусть радуется, что пять лет, а не десять...

И письмо Миронову я начала очень дерзко: «Поскольку высказанное вами мнение по делу Бродского перекрыло все нормальные пути прокурорского надзора, то вы можете считать себя виновным в том, что молодежь Ленинграда несет тяжелые идеологические потери». И далее изложила кратко суть дела и уехала в Ленинград, честно сказать, безо всякой надежды. И вдруг в моей квартире раздался звонок из ЦК: «С вами будет говорить товарищ Миронов»... Господи, как он на меня орал: «То есть как это вы пишете, что я во всем виноват! Не знаю я этого дела толком! У вас есть Толстиков, у вас есть Попов, почему вы к ним не обращаетесь, а ко мне?» Я говорю: «Потому, что они не принимают по этому делу». Миронов орет: «И почему вы считаете, что вы одна правы! Было следствие, был прокурор. Они, значит, все не правы, а вы правы?!» Я сказала: «Знаете, вас кто-то дезинформировал. Ведь он судился не по статье, а по Указу. Следствия этот Указ не предусматривает. Прокурора тоже не предусматривает. Вот потому, что ничего этого не было, и имела место клевета». Знаете, тут он захлебнулся: «То есть как по Указу? Мне доложили, что по статье!»

Через несколько дней после разговора с Мироновым позвонил Маляров (заместитель Генерального прокурора). Он назначил мне встречу. Я приехала в Москву. Он спросил меня: «Скажите, как по-вашему: стихи Бродского советские или антисоветские?» Я говорю, что ни то, ни другое. Они над-мирные. «Вот и мне так кажется,— говорит,— многие из них мне нравятся». Я говорю, что надо положить этому мерзкому делу конец. Если такое допустить с молодым поэтом, то где гарантия, что скоро всех писателей не пересажают за тунеядство? Он пропускает все мои сентенции и говорит: пускай вот несколько человек писателей напишут письмо вроде поручительства, что Бродского будут воспитывать, что правонарушений никаких с его стороны не будет. И мы его отпустим.

Я говорю: как же так? Ведь это компромисс. Я сказала, что мне нужно посоветоваться, и поехала к Лидии Корнеевне Чуковской, а от нее мы поехали к Корнею Ивановичу. Чуковский подписал это письмо и послал к Паустовскому. Всего письмо подписало около двадцати человек: Ахматова, Копелев, Семенов, Гранин, Маршак — как и Вигдорова, он умер, не дождавшись освобождения Бродского...

Ну вот, мы написали это письмо и стали ждать: чем это все кончится? В это время гибнет в авиакатастрофе Миронов. Однако спустя две недели в Ленинград приехала комиссия из трех человек — от союзной прокуратуры, от Верховного суда СССР, от союзного КГБ. И после этого пришло долгожданное решение: Бродского освободить, ограничившись отбытым.

Зоя ТОПОРОВА:

— Иосиф мне потом рассказывал, что на месте поселения его не очень утруждали физической работой, и он много писал. Как ни парадоксально, эти годы были для него очень и очень плодотворными. Да и суд способствовал тому, что его имя пошло вширь. Даже его родители, как мне кажется, до суда смотрели на него как на неудачника. А когда они увидели, как за него вступились писатели, поняли, что представляет собой их сын. К Иосифу ездили в ссылку друзья, ему писали. Через год и два месяца был вынесен протест Генеральным прокурором, суть его такова: мол, он еще молод, работал, но, конечно, недостаточно. Приговор является чрезмерно суровым, поэтому следует ограничиться отбытым. Такой вот половинчатый протест. Отпустить, но без реабилитации.

Наталья ГРУДИНИНА:

— А не отменили приговор вот почему — тогда в глупом положении было бы партийное руководство Ленинграда с Толстиковым во главе. Ведь Толстиков даже на партактиве позволял себе черт знает что говорить о Бродском...

Уже после своего освобождения Бродский как-то приехал ко мне почитать стихи. Он приезжал в любое время: просто почитать стихи. А у меня лежала дочь с невыявленным диагнозом и высокой температурой. Я готовилась к тому, что мне назавтра ее нужно везти в больницу. Оська посмотрел на нее и говорит: «Я ухожу, ухожу, не до стихов, не до стихов». И ушел. А потом мне всю ночь звонили какие-то профессора. Оська ночью будил людей и говорил: «Я — Бродский (а Бродского уже все знали), нужно помочь одной женщине. У нее дочь больна». И тут же приехала специалист-фтизиатр, обнаружила скрытую форму крупозного воспаления легких и дала сразу очень сильный антибиотик. Еще чуть-чуть, и я могла бы потерять дочь.

Вот какой человек Оська Бродский.

Удалось ли мне выяснить, кем и с какой целью была затеяна расправа над поэтом? Вроде бы да. Но чем дальше я вел свое частное расследование, тем яснее сознавал, что только сам Лернер смог бы «дать показания», чего ради он преследовал Бродского. Но жив ли Лернер, которому должно было быть уже не меньше семидесяти? Горсправка дала ответ: Яков Михайлович Лернер в Ленинграде не проживает. Мой давний знакомый, работник милиции, нашел, правда, в служебной картотеке (картотеке судимых) семидесятилетнего Якова Моисеевича Лернера. А вдруг тот? Я записал адрес и поехал к этому Лернеру. Дверь открыла немолодая женщина.

— Простите, Якова Михайловича можно увидеть?

Нимало не удивившись тому, что я «перепутал» отчество, она ответила:

— Его сейчас нет, он дежурит в дружине.

Было неправдоподобно, фантастично, что и спустя четверть века Лернер по-прежнему пребывал, как говорится, на страже порядка...

На крыльце кооперативного дома я увидел респектабельного вида мужчину, вся грудь которого была в орденах.

— Яков Михайлович? — спросил я, уже точно зная, что не ошибся.

— Прошу вас, пройдемте,— широким жестом он указал на входную дверь.

Ей-богу, в тот момент у меня возникло ощущение, что все эти годы он ждал моего визита... Яков Михайлович тем временем тщательно проверял мое удостоверение...

Да, он готов много чего порассказать о том деле. Более того, у него существуют почти все документы... А то, что Бродскому дали Нобелевскую премию, это еще ничего не значит, это еще будущее покажет. Вот везде пишут: русский поэт. Да ведь он ненавидел Родину! И свидетельства на этот счет имеются: копии дневников Бродского, выписки из его писем. И еще кое-какие материалы... И хоть к стенке ставьте — все равно скажу: Бродский вел себя в те годы антисоветски. Вот его и судили за это, а не за стихи. А ведь сколько дружина и он лично возились с Бродским. Сколько его воспитывали, а он все равно с компанией дружков выходил на улицы, на площадь перед Русским музеем, выкрикивал антисоветские лозунги. А что он про того же Карла Маркса говорил... Я не перебивал, не опровергал Лернера (мне было известно, что даже за рубежом Бродский отказывался мазать свою Родину дегтем) — пусть выскажется до конца.

Лернер показал мне три объемистых папки. «Документы»,— сказал он. Показывая какие-то стихи, вклеенные в «досье», утверждает, что они принадлежат Бродскому. Читаю их и недоумеваю: какой графоман мог написать такое? Но мой собеседник настаивает: «Это творение Иосифа». Среди прочих материалов подклеена и недавняя статья из «Вечернего Ленинграда», рассказывающая правду о деле Бродского. Вся она испещрена пометками Лернера.

Ведь автор статьи Мазо, смотрите, пишет (Лернер кипятится), что когда боролись за освобождение Бродского, так ездили друг к другу писатели, письма составляли. Чуковский и все остальные. А на самом деле... это мы, 12-я дружина, добились освобождения Бродского. Вот, пожалуйста, наше ходатайство от 12 июня 1965 года на имя прокурора города. Это мы поднимаем вопрос о его досрочном освобождении. Поздновато? Да нет, в самый раз. А добивались мы этого потому, что надеялись — Бродский исправился. Кстати, там же мы просим «проверить материалы, связанные с распространением лживой стенограммы». И сейчас утверждаю: стенограмма Вигдоровой лживая. У меня все записано на пленку. Сейчас у меня ее нет — я ее весной... отослал в Верховный Совет Громыко. Вот уведомление о получении. Так что еще разберутся!

Теперь меня хотят сделать гонителем поэта, а я вам документы покажу: вот, пожалуйста — Представление прокурора Дзержинского района от 20 мая 1963 года в адрес суда общественности Союза писателей СССР. При чем тут Лернер? Вот оно — «Представление о выселении из Ленинграда уклоняющегося от общественно-полезного труда гражданина Бродского И. А.». Ведь там делается четкий вывод: «учитывая антиобщественный характер поведения Бродского, выселить на спецпоселение». Вот вам отношение заведующего отделом комсомольского оперотряда Ленинграда Г. Иванова в мой адрес с просьбой «подготовить материалы и провести общественный суд над Бродским». Этот документ датирован 23 октября 1963 года. А вот и протокол заседания секретариата Союза писателей, где председательствовал Прокофьев. Первое: зачитали представление прокурора Дзержинского района. Второе: Я. Лернер дал характеристику Бродскому. Третье: Я. Лернер просит выделить 4—6 писателей для участия в суде. Постановили: согласиться с мнением прокурора, выделить и т. д. Вот так было. А то сейчас все хотят свалить на Лернера.

Я не знаю, что там за океаном Бродский пишет, с этим еще разберутся. А тогда... Тогда ведь он языков не знал! Как мог переводить?!. А я скажу, как... Платил кое-кому... Ему и переводили... Деньги откуда? Да у него их было — ого! Однажды, уже незадолго до суда, предложил мне Бродский... 20 тысяч, лишь бы я от него отстал. Надо было взять, а потом к прокурору. Отпустил, пожалел мальчишку. Я с ним много возился, воспитывал. А теперь все на меня хотят свалить, дескать, такой мерзавец. Мы вообще всегда вежливо с ним обращались, а он часто нас посылал куда подальше. Даже на суде повторял все любимое свое выражение: плевать я на вас хотел! Нет этого в стенограмме? Я же и говорю, что она фальшивая! Многие ее подтверждают? Адвокат и другие участники? Ничего, у меня-то пленка есть, и я тоже людей могу выставить!

Несколько раз во время нашего разговора Якову Михайловичу кто-то звонил. Вешая трубку, Лернер мне сообщал: это из редакции, замредактора. Или: это генерал меня беспокоил. Все это попахивало дешевой театральщиной.

В досье Лернера я обнаружил уникальные фотографии: кто-то из его окружения запечатлел ход суда над поэтом. И Яков Михайлович... дал мне эти фото переснять. Просил, если буду публиковать, непременно отметить: фотографии сделаны Я. Лернером. Увы, Яков Михайлович, выполнить вашу просьбу не могу. Вы тоже запечатлены на одном из снимков: ну не сами же вы себя снимали! Но за снимки — спасибо.

На прощание Я. М. сообщил, что сейчас у него в Москве «идет» книга. А вообще он сам хочет написать всю правду о Бродском. И напишет — ответит всем, кто пытается его очернить. На этом мы расстались. Дверь с табличкой «Председатель Совета ветеранов войны и труда микрорайона Я. Лернер» захлопнулась.

Лернер сообщил мне, что жива и судья Савельева, которую я тщетно искал все это время. Более того, он пообещал устроить встречу с Савельевой, недавно он разговаривал с ее сестрой...

Но, провисев весь следующий день на телефоне, я сам добрался до сестры Савельевой. Еще через неделю мне удалось наконец услышать голос Екатерины Александровны. От встречи она уклонилась — беседовали по телефону. Савельева, ныне уже пенсионерка, сразу же заявила, что процесс был абсолютно законным. Давления на нее и на суд никто не оказывал. В деле были документы, доказывающие, что Бродский не мог существовать на те деньги, которые периодически зарабатывал. Имелись и протоколы приводов в дружину «Гипрошахта». Считает, что этот суд пошел ему на пользу, благотворно сказался на его поэтическом развитии. И сейчас он даже получил Нобелевскую премию — что ж, честь ему и хвала!

Столь же «плодотворно» побеседовал я с адвокатом С. Е. Соловьевым, с 1963 по 1982 год возглавлявшим прокуратуру Ленинграда. Он убеждал меня, что не помнит дела Бродского, никогда не встречал даже такой фамилии...

Не сразу вспомнил об этом процессе и тогдашний секретарь обкома Василий Сергеевич Толстиков. Мой визит его не обрадовал, но минут десять — через порог — мы поговорили. Он не удержался все же от того, чтобы прокомментировать Нобелевскую премию Бродского.

— Как же — знаю, слышал! А вы скажите мне — кому дают эти премии? Вот Солженицын получил — так ведь он изменник, сдался в плен немцам. Вот кому эти премии дают! Стихи Бродского того времени читал. Ну, разве это стихи! Высоко оценивали Маршак, Чуковский, Шостакович? А как оценивали-то... Подошли к тому же Шостаковичу — мол, подпишите, надо выручать юное дарование. Он и подмахнул. Вот Горбовский писал хорошие стихи! Ко мне пришли тогда Гранин, Кетлинская, еще кто-то. Мы прочитали и поняли, что надо печатать. И — опубликовали! А Бродский сидел на шее у родителей, да и стихи его были мало похожи на стихи...

И лишь Александр Александрович Костаков, бывший прокурор Дзержинского района, не стал сетовать на плохую память.

Он не стал умалчивать, что составил Представление в адрес суда общественности Союза писателей, где рекомендовалось судить Бродского по Указу и выселить из города. На основе каких документов прокурор составил столь суровое Представление? Информация пришла из разных источников. Существовали проверки Дзержинского РУВД — по ним выходило, что Бродский длительное время не работал. Еще одно обстоятельство, рассказывает Александр Александрович,— по тогдашним нравам общественность как бы превалировала над законом. Скажем, дружина Лернера и, в частности, он сам, были вездесущи — запросто заходили в райком, к тому же секретарю райкома Косаревой. У них был набор всевозможных удостоверений — общественного помощника прокурора, следователя и т. д., которые через какое-то время я упразднил. Они были абсолютно незаконными. Кстати, в отношении тех же дружинников Лернера возбуждались уголовные дела. Иногда эти люди выступали в роли грабителей. Но тем не менее Лернер и его команда, заручившись поддержкой райкома, процветали. Вот и приходилось общаться с этими людьми, которые мне не внушали ни симпатии, ни доверия. Лернер как раз и притаскивал мне компромат на Бродского. К тому же, должен сказать определенно: на меня оказывали давление райком, Союз писателей, Комитет госбезопасности и даже прокуратура города в лице тогдашнего заместителя прокурора Ленинграда Караськова. Вся эта «кухня» мне не нравилась, но... Когда уже был назначен день суда, заместитель прокурора города Караськов очень хотел, чтобы я принял участие в нем, поддержал своим авторитетом процесс. Но я сумел уклониться от этого, сославшись на более важные дела... По мнению Костакова, суд над поэтом и то, что его потом «вытряхнули» из нашей страны,— звенья одной цепи.

Зоя ТОПОРОВА:

— Обстоятельства его отъезда, конечно, очень тяжелые. Уехал он в вельветовых тапочках и с двумя апельсинами в кармане, которые ему дала мать. Он безумно переживал свой отъезд, не хотел уезжать.

Истинный поэт всегда выламывается из системы, не принадлежит ей. Возможен путь компромисса. Бродский этот путь отверг. Замечено: тот, кто следует внутреннему убеждению, не половинит себя — тот осуществляется в полной мере, несмотря на...

Комментарий кандидата юридических наук Александра КИРПИЧНИКОВА:

— Процесс, на котором обвиняли Бродского, назвать судом нельзя. Это расправа над бескомпромиссным человеком, поэтом, запрограммированный от начала и до конца спектакль. Если бы на дворе был не 1964 год, а скажем, 1948 или 1937, то Бродский исчез бы в лагере. Однако времена были другие — так называемая «хрущевская оттепель». И хотя сталинисты были по-прежнему сильны и влиятельны, но старыми методами действовать они уже не могли. Потребовалась организация такого вот суда.

А прокуратура свой долг по надзору за законностью не выполнила. Законности в Ленинграде добиться тогда было невозможно. Лишь позже Верховный суд РСФСР сократил срок высылки — от пяти лет до фактически отбытого (1 год и 5 месяцев). Это решение было половинчатым. И сегодня необходимо вновь пересмотреть дело Бродского с позиций закона. Лауреат Нобелевской премии в подобной реабилитации не нуждается. А наше правосудие?..